

Содержание

1. 2005–2006

11

2. 1942–1960

85

3. 1945

229

4. 2006

339

1

2005-2006

Утром того дня, когда Боб Комет в первый раз пришел в Гериатрический центр имени Гэмбелла — Рида в Портленде, штат Орегон, он проснулся в своем домике цвета мяты, огорченный тем, что сон его оборвался. Снова снился приморский, давно уж не существующий отель “Эльба”, где он побывал одиннадцати лет, в середине сороковых. Боб, который вообще памятью не отличался, не уставал поражаться, что после стольких лет ему удалось сохранить такое яркое ощущение места. Но еще удивительней были те эмоции, которыми зрительные эффекты сопровождались; этот сон раз за разом насыщал его мозг химией, предвещавшей наступление глубокой романтической любви, хотя тогда, в отеле, ничего подобного он не испытывал. И сейчас он лежал в постели, смакуя ускользающее от него чувство.

Боб сел, склонил голову набок и уставился в никуда. Библиотекарь на пенсии семидесяти одного года, он был доволен жизнью, на здоровье не жаловался и проводил свои дни за чтением, готовкой, приемом пищи, уборкой и прогулками.

Прогулки часто растягивались на мили, он отправлялся в путь наобум, не имея в виду никакой цели, выбирал свой маршрут, отзываясь на потенциально многообещающий звук или зрительное впечатление от потенциально многообещающей улицы. Однажды стал свидетелем пожара, в центре города горела квартира; пожарные, протянув лестницу до верхнего этажа, спасли из окна ребенка, толпа, собравшаяся внизу на тротуаре, приветствовала это криками, Боб был под большим впечатлением. В другой раз, в юго-восточном секторе, он наблюдал, как какой-то сумасшедший решительно и методично крушил цветочные клумбы перед ветеринарной клиникой, в то время как собаки глядели на это из окон, вытягивая шеи и обиженно твякая. Вообще говоря, случалось не так уж много такого, чем стоило бы потом поделиться или на что поглазеть, но было приятно находиться в движении и среди людей, ведь он редко с кем-то контактил. Друзей у него не водилось, телефон молчал, и семьи не было, а если в дверь стучали, то, значит, доставка на дом; но отсутствие общения не тяготило его, он не испытывал тяги к компании. Боб давно отказался от идеи узнать кого-то поближе или чтобы с ним самим познакомилась. С миром он взаимодействовал, отчасти прогуливаясь по нему, но главным образом о нем читая. С детства и по сейчас Боб увлеченно читал романы.

В тот день Боб позавтракал и вышел из дому, когда не было еще и девяти. Одевался он обычно, руководствуясь прогнозом телесиноптолика, но в тот раз синоптик промазал, и Боб вышел не подготовленным к тому, что на улице зябко и сыро. В принципе прогуляться в плохую погоду он был не прочь, но тогда нужно должным образом экипироваться; особенно

раздражало, что, вот как сейчас, мерзли руки, поэтому он зашел в магазинчик “Севен-Илевен”, открытый с семи до одиннадцати, налил себе кофейку в бумажный стаканчик и задержался у газетной стойки, отогреться и разжиться новостями по заголовкам.

Парень на кассе — лет двадцати, на вид дружелюбный — озабоченно поглядывал туда, где в глубине магазина стояла лицом к батарее стеклянных дверок, за которыми хранилось всякое охлажденное питье, какая-то женщина. В розовом спортивном костюме, блестящих белых кроссовках, бейсболке с сетчатым задником и в солнцезащитных очках, она стояла неподвижно, как статуя. Наряд под стать дошкольнице или подростку, но из-под бейсболки выбивалась копна седых кудрей, так что женщине было, надо полагать, лет шестьдесят-семьдесят. Кассира она определенно тревожила, и Боб шепотом осведомился:

— Все в порядке?

— Да фиг ее знает, — шепотом же ответил кассир. — Она вроде и ничего, и одежда у нее чистая, но она вперилась в энергетики и стоит так вот уже три четверти часа. Боюсь, как бы чего не выкинула.

— А заговорить с ней вы не пробовали?

— Да, спросил, могу ли я ей помочь. Ноль реакции.

— Хотите, попробую я?

— А если она психанет да выкинет что-нибудь идиотское?

— Что, например?

— Такое, что нормальному человеку и в голову не взбредет. А копы приедут, только если оружие пойдет в ход. А знаете, сколько есть способов выкинуть что-нибудь идиотское без оружия? Да миллион.

Разговаривая, они не спускали с женщины глаз.

— Пойду попробую, — сказал Боб.

— Давайте, но если начнет дурить, постарайтесь вывести ее вон, а? — Кассир развел руки, как когда отлавливают кого-нибудь или загоняют. — За то, что будет там на парковке, я уже не в ответе.

Боб направился к фигурке в розовом, благодушно себе что-то под нос мыча, как для того, чтобы известить о своем приближении, так и для того, чтобы обозначить дружественные намерения.

— О, привет, — сказал он так, будто только ее заметил. Насколько можно было судить, она никак на это не отозвалась, лица не разглядеть за бейсболкой, кудрями и солнечными очками. — Все в порядке, мэм, а? Я могу вам чем-то помочь?

По-прежнему никакой реакции, и Боб посмотрел на кассира, который коснулся предплечья жестом, выражающим убеждение, что Бобу следует женщину легонько встряхнуть. Трясти ее Боб не стал, но положил руку ей на плечо; и в тот момент, когда он коснулся ее, она активизировалась, как оживший робот, отвернулась от Боба и неторопливо направилась между стойками прямо к выходу из магазина. Боб воззрился ей вслед.

— И что мне теперь делать? — спросил он кассира.

— Понятия не имею, — отозвался тот, очень довольный тем, что она ушла, и еще тем, что случилось хоть что-нибудь интересное.

— Пойду-ка я за ней, — решил Боб и тоже вышел из магазина.

Держа дистанцию шагов в десять, он следовал за женщиной, прихлебывал кофе, и отмечал ее скудные успехи. Целых пять минут ушло у нее на то, чтобы пройти один квартал, а потом она снова окостенела, на этот раз на автобусной остановке, рядом со стеклянным навесом, уставилась на пустую скамейку. Пошел

дождь, ее спортивный костюм стал намочать. Когда она задрожала, Боб подошел и накинул ей на плечи свое пальто. Но вскоре и он продрог, промокнув насквозь; когда полицейская машина остановилась на красный свет, Боб помахал полицейскому, чтобы привлечь его внимание. Полицейский помахал в ответ и уехал.

Боб перебрался под навес, где встал так, чтобы видеть женщину. Кофе совсем остыл, и Боб сообразил наконец, что так и не заплатил за него. Не задалась прогулка, подумал он, разумней будет смириться с потерями, махнуть рукой на пальто и отправиться домой на такси, но тут ему бросилась в глаза запаянная в пластик карточка, которая на шнурке свисала у женщины с шеи. Он обошел укрытие и, чуть отклонив от себя ее тело, принялся разглядывать карточку. На ней была фотография женщины в солнцезащитных очках и бейсболке, а под фотографией текст: “Меня зовут Чирп, я живу в Гериатрическом центре Гэмбелла — Рида”. Под текстом адрес, а под адресом — изображение внушительного дома в стиле “искусства и ремесла”, предшествующего модерну, со средневековыми элементами: башней с флюгером и террасой по всему периметру. Боб, выдавший этот дом во время своих прогулок, сказал:

— Знакомое место. Значит, здесь вы живете? Вас зовут Чирп?

Твердость духа вернулась к нему, и он решил, что доставит Чирп по указанному адресу.

Боб бережно взял ее под руку и повел по направлению к Центру. Каждые десять-пятнадцать шагов она останавливалась со стоном, но вообще-то почти не сопротивлялась, и худо-бедно они все-таки продвигались, невзирая на непогоду. Ее тянуло зайти в каждый магазин, мимо которого они проходили, и Бобу приходи-

лось ее выправлять; всякий раз при этом она каменела и принималась стонать.

— Прошу прощения, Чирп, — говорил он. — Я и рад бы, чтобы мы зашли и там побродили, но ведь о вас будут беспокоиться, а мы разве хотим, чтобы они беспокоились, нет ведь? Так что пойдете уж дальше, нам совсем немного осталось.

Вскоре показался Гериатрический центр. Раз сто, не меньше, Боб проходил мимо, порой спрашивая себя, что бы там могло находиться. Здание высилось на холме, подавляя соседние постройки, ни дать ни взять классический дом с привидениями. Вывески, поясняющей его назначение, не имелось, но у обочины стояли больничные автобусы-челноки и машины скорой помощи, и дорожка для инвалидов колясок зигзагом вела вверх от тротуара ко входу. Боб повел Чирп по этой дорожке и, пока они поднимались, разглядывал Центр. Он нашел, что здание здорово напоминает собой отель “Эльба”; и хотя мистике Боб был чужд, ввиду сна, который ему тем утром приснился, как было не удивиться сходству между двумя зданиями.

Входная дверь представляла собой внушительный заслон из окрашенного зеленой краской металла и пуленепробиваемого стекла, и она была заперта. Боб нажал на кнопку дверного звонка, дверь зажужжала в ответ, со щелчком отперлась и принялась медленно открываться. Чирп вошла своим ходом и исчезла за углом, в то время как Боб так и стоял, ожидая, что кто-нибудь выйдет встретить его на пороге; но никто не вышел, и после долгой, тягостной паузы дверь с механическим равнодушием начала закрываться. Боб собрался было развернуться да и уйти, когда за спиной у него взревело: “Попридержи дверь!” И столько убежденности крылось в реве, что Боб, не задумываясь, заблокиро-

вал ход двери своей правой ступней, и ту в результате прищемило так крепко, что он еле сдержался, чтобы не вскрикнуть от боли. Дверь, найдя на препятствие, отсканула и пошла распахиваться по новой.

Тем временем тот, кто издал рев, непомерно крупный, то есть высокий и широкоплечий мужчина в непомерно большом электронном инвалидном кресле, надвигался на Боба с огромной скоростью и выражением стальной уверенности в налитых кровью глазах. Просвистывая мимо Боба в Центр, в знак благодарности он со взмахом руки прищипнул пальцами край своего непомерно большого берета. И в тот самый миг, как он въехал, послышался зов невидимых голосов, ехидные, насмешливые приветствия, довольные, что продолжится нечто, происходившее ранее, будто за ночь собраны новые аргументы, которые изменят ход спора. “Пу-пу-пу”, — произнес мужчина, помахивая рукой в перчатке, чтобы погасить шум, и направил свое кресло куда-то вглубь Центра.

Женщина сорока с чем-то лет в бежевом кардигане поверх бледно-зеленого медицинского халата вышла навстречу Бобу. Спросила, чем она может ему помочь, и Боб объяснил, что доставил сюда Чирп. Женщина кивнула, что поняла, но заметного впечатления ни то, что Чирп сбежала, ни то, что она благополучно возвращена, на нее не произвело. Она представилась Марией, а Боб сказал, что его зовут Боб. Когда дверь снова поползла закрываться, Мария отступила, подняв руку в обезличенном жесте прощания; но тут Боб удивил и себя, и Марию, хромоногое вскочив внутрь, а после стоял, отдуваясь легонько, пока Мария раздумывала, вызывать ей охрану или нет.